

Вопрос: Как Бог мог допустить повсеместное разрушение храмов в России, и то, что сажали и убивали священнослужителей и верующих?

Свящ. Георгий Кочетков: Все вопросы такого рода относятся к проблеме различия добра и зла и ответственности за добро и зло, а также к вопросу, связанному с первым, — вопросу о преодолении зла, о борьбе со злом и грехом. Не совсем понятно, из чего исходит предположение, что Бог допускает всякое зло, которое творится на земле. На каком основании люди возводят к Богу ответственность за зло? Если Бог, по мнению задающих такие вопросы, должен был бы наказывать за всякое зло, если Он должен был бы пресекать всякое зло и всякий грех, и таким образом уничтожать всех, кто несёт в себе что-то недоброе, злое или греховное, то давно никого не осталось бы на земле, потому что «нет человека, который жил бы и не согрешил», — так говорит Священное Писание и так говорит нам наша совесть. Даже верующие люди нуждаются в Ходатае, Кто-то очищал бы нас от всякого греха. Мы имеем такого Ходатая в лице Христа, действующего в Духе Святом, и мы верим, что Бог нас очищает от всякого греха. Конечно, мы хорошо понимаем, что кто-то должен нести ответственность за разрушение храмов, за убийство невинных людей, особенно верующих и священнослужителей, но это, скорее всего, все-таки не Бог, а люди, а также те, кто своими ошибками и грехами привёл жизнь к тому, что появились те люди, которые стали жить столь беззаконно, столь греховно, столь зло. Важно, откуда появились эти люди. Они же тоже когда-то были детьми, и кто-то их учил или, допустим, не учил тому, как они должны жить. И здесь мы не можем сказать, что церковь ни в чём не виновата, что мы, как члены церкви, тоже ни в чём не виноваты. И если мы отвергаем все претензии, обращённые к Богу, то мы не можем отвергнуть претензии, обращённые к Церкви, ко всякому, даже доброму, человеку. Вель человек должен отвечать не только за то, что он сделал плохого, но и за то, что он не сделал хорошего. Об этом мы, к сожалению, часто забываем, а в древних христианских памятниках об этом говорится напрямую. Более того, ответственность за то, что мы не сделали хорошего, иногда превалирует над той ответственностью, которая возникает из-за того, что мы делаем то или иное дело плохо. Вот если мы будем рассуждать так, я полагаю, мы будем значительно ближе к истине, и тогда мы поймём, в чём наша личная ответственность, мы не будем сваливать её на Бога или на кого-то другого, мы начнём с себя. А древний христианский принцип всегда так и говорит: начинай с себя.

Вопрос: Почему сейчас, когда можно восстанавливать храмы, это идёт так медленно и восстанавливаются не все? Например, в Баку же мечети очень быстро восстановили. А русским это не нужно?

О. Георгий: Эти вещи зависят от нескольких причин. Во-первых, нужна ревность о Боге и о всяком Божьем деле, а значит и о всякой святыне, а значит и о храмах, о их восстановлении. Во-вторых, должны быть ещё определённые возможности. Я помню, что когда начал служить священником, это было в 89-м году, а до этого я был дьяконом, как раз тогда стали отдавать храмы. И мне дали в городе Электростали совершенно разрушенный, развалившийся храм, который надо было как-то восстанавливать. И хотя к нам съездили настоящие прихожане, их было много, они были дружны, замечательны, были искренни в своей вере, но они были простым народом, не имеющим доступа к каким-то особо высоким прибиям. И поэтому восстановить храм своими силами они просто не могли. Восстанавливать старые храмы, которые были созданы в хотя бы формально, но в христианском государстве, при его помощи, было нереальной задачей. Храмы очень дороги, их содержание очень дорого, христианский культ стал таким, что он очень дорого стоит, это очень дорогое удовольствие. Но христиане часто бывают небогатыми людьми. Государство же наше, в отличие от, скажем, Азербайджанского, не столь интенсивно помогает восстановлению храмов. Последние годы здесь что-то ста-

ОТКУДА БЕРЕТСЯ ВЕРА?

Ответы на вопросы открытых встреч

Футляр для ангела П. Скульптура Эптои Гормла. 1990 г.

ло меняться, но часто бывало так, что никто и не собирался, без особых на то причин, помогать Церкви в восстановлении её инфраструктуры. К сожалению, не была проведена реституция собственности, отобранной у людей и у церкви после революции. Поэтому надо об этом думать. Действительно, иногда мечети восстанавливаются быстрее, чем русские храмы, хотя надо сказать, что мечеть восстановить значительно легче, поскольку это всегда довольно простая конструкция, это относительно менее дорогое дело. Но может быть, имело бы смысл и нам немного упростить внешний форму и сделать наши храмы и наш христианский культ, наше богослужение не столь дорогими. И тогда, глядя, было бы больше храмов, и людям было бы куда ходить, чтобы не стоять в толпе, в давке. Об этом надо думать, об этом надо заботиться, за это надо отвечать каждому из нас. И помнить, что пока что время работает на нас, но всегда так не будет.

Вопрос: Говорят, что христиане должны покрывать грехи других людей. Это возможно? Если да, то каким образом?

О. Георгий: Конечно, христиане должны в первую очередь каяться в своих грехах, действительно, начинать надо с себя. Но это не значит, что мы не несём ответственности за других. Более того, без ответственности за других нельзя нести реальной и полной ответственности за себя. Мы должны нести ответственность и за Церковь, и за весь мир, и даже за Божье дело, за плодотворность Божьей благодати, потому что она свои плоды приносит в сотрудничестве с людьми, с человеческими силами. Да, хорошо, когда люди понимают, что на них лежит ответственность и за других людей. И даже каяться надо не только в своих грехах, но и в грехах своих ближних, своего народа, своей страны, государства, общества и т.д. Это не всем дано. Например, человек, который только входит в Церковь, обычно не имеет таких сил и возлагать на него этот тяжёлый крест не следует. Но если человек уже духовно созрел, он может от избытка духовных сил заботиться о покрытии, т.е. прощении грехов других людей.

Вопрос: Откуда берётся вера?

О. Георгий: Вера берётся из сердца, изнутри человека. Сердцевина человеческой жизни, то, что мы и называем сердцем человеческим, содержит в себе некоторую естественную возможность верить. Сердце стремится быть расширенным, открытым и не пустым, стремится быть наполненным благодатью, любовью, надеждой, духом Свободы и Истины. Вот отсюда и берётся вера. Когда мы открыты, когда мы доверяем друг другу и Богу, когда мы стремимся познать невидимый мир, духовный мир, и при этом понимаем, что он остаётся непознаваемым до конца — тогда возникает возможность жить по вере, потому что вера — это очи, которые помогают нам увидеть невидимое внешним образом. Мы хотели бы, чтобы наша надежда на Бога себя оправдала, также как и надежда на других людей. Но для этого тоже нужно доверие, тоже нужна вера. И это

будет, если у нас будет любовь, это будет, если у нас будет жива наша совесть, если мы будем стремиться жить вместе, пренебрегая мелкими недостатками, недочётами и даже согрешениями наших ближних, если мы будем готовы прощать их и идти вперёд, а не топтаться на месте.

Вопрос: Говорят, что христианство — это вера в Бога и вера в человека. Значит ли это, что человек может верить в себя тоже? Вот он живёт, что-то делает так или не так, видит свои ошибки, он пытается их исправлять. Достаточно ли, что он верит в себя, может ли вера с этого начинаться?

О. Георгий: Конечно, может. Всегда всё надо начинать с себя. И вера должна начинаться с веры в себя. Современному человеку иногда легче довериться тому или иному ближнему или даже, хотя бы в своих мечтах, Богу. А вот поверить в себя ему бывает трудно. Человек, действительно, хочет исправить свою жизнь, он хочет покаяться. И вера в то, что это реально можно сделать в своей жизни, приложить собственные усилия, хотя и не по своим заслугам и силам, а с Божьей помощью и по-божьему — эта вера помогает. Конечно, вера — такое свойство человека, которое не может замыкаться только на себя. Если человек будет доверять только себе и верить только в себя, но не будет доверять другим и верить другим, если у него не будет веры в Бога, то он разуверится и в себе, он не возлюбит и свою жизнь, и самого себя, он захочет уничтожения себя. Не случайно в наше время совершается огромное количество самоубийств и суицидальных попыток. Это происходит именно из-за того, что люди не решаются довериться другим, открыться другим, не решаются довериться Духу Божьему, Духу Любви. Дай Бог, чтобы у нас этого не было.

Вопрос: Мне кажется, когда человек понял и осознал себя верующим, ему нужны силы на пути к Богу. И для этого ему нужно креститься, чтобы он получил эту благодать в крещении, и тогда уже он увидит то, чего сейчас может не видеть. Почему он не может креститься в тот же самый момент? Мы же помним ситуацию с вехуном из Книги Деяний, когда тот встретил апостола Филиппа и сказал: «вот вода, что мешает мне креститься»? И Филипп ответил: «Если веруешь, то можешь».

О. Георгий: Опыт Церкви показал, что вопрос о времени крещения не так уж прост. Очень часто случается так, что для крещения недостаточно лишь осознать себя верующим, надо принести достойные плоды этой веры. Не случайно в ответ на вопрос «что мешает мне креститься?», заданный эфиопским вехуном, апостол Филипп ответил не просто «если веруешь, то можно». Он сказал: «если веруешь от всего сердца, то можно». Вот в этом вся проблема. Веху эфиопской царицы был достаточно образованным и подготовленным человеком, он уже знал пророков, ему нужно было только указать на Христа, ему нужно было только полюбить Христа, открыть Ему своё сердце. И он мог креститься, потому что эта вера наполнила мгновенно всё его сердце и стала проявляться во всей его жизни. Так ли случается с нами? Боюсь, что очень часто не так. Мы иногда можем целый год, а то и больше, готовиться к крещению, а всё ещё, смотришь, сердце наше расколото, какой-то кусочек, какая-то часть его принадлежит Богу, принадлежит вере, какая-то часть готова принять жизнь по вере, готова принять благодать, но другая часть не готова. И эта вторая часть бывает очень значительна. В этом всё дело. Крещение не может быть просто панaceей от всех бед. Благодать крещения не даёт магическим, механическим, автоматическим, она даётся только тем, кто верует всем сердцем, пусть даже ещё и не познал всех путей Господних. Так что — да, надо стремиться к крещению, к исполнению воли Божьей во всём, к умиранию со Христом для Жизни с Ним в вечности, но к этому надо готовиться, надо сделать так, чтобы наше сердце веровало в полноте своей, чтобы в эту веру был вовлечён и наш ум, и наши руки и ноги, то есть все сферы нашей жизни, чтобы мы смогли их как-то воцерковить, привести к единому знаменателю веры. Вот тогда и можно будет креститься.

Е. Новикова: Я помню, я читала об о. Александре Мене, что у него было очень большое желание отойти науке. Он же очень много написал книг, а его призвание было пастырское, и даже больше — апостольское. И так там и написано, что он это искушение не преодолел.

О.А. Седякова: Я думаю, он и это свое предназначение исполнил. Чтобы написать все эти книги, необходима была научная одаренность. И в этих своих сочинениях он действует и как пастырь. Я не вижу здесь противоречия призванию.

Вот история, в которой пересекаются два ярко выраженных предназначения: то, что мы назвали «природным» — и духовное. Это история Альберта Швейцера, одного из самых дорогих для меня людей в минувшем столетии. Он был великим органистом и историком музыки. Кроме того, он закончил богословский факультет. Равных ему интерпретаторов Баха не было ни среди органистов, ни среди историков музыки. При-

О призвании

Из материалов встречи Свято-Архангельского братства с О.А. Седяковой

этом его с юности мучила тема проклятых. Он не мог примириться с тем, что на свете есть проклятые, с которыми принято обходиться так: полностью изолировать их от мира как смертельно опасных для общества, как саму «нечисть». В Германии в то время проклятых не было, но этот образ абсолютно отвергнутого существа мучил Швейцера с детства, и он решил сделать все, что можно, для этих несчастных. Он осознал это как свое духовное призвание. Человека из Германии, музыканта, призывают помочь неизлечимо больным людям, которые живут в Африке! Швей-

Альберт Швейцер

цер получает медицинское образование и отправляется в Африку. Он вспоминает об этом отъезде: «Я думал, что приношу три жертвы». Первой жертвой была музыка, Бах, орган (он полагал, что, занимаясь проклятыми, вряд ли ему придется играть и изучать Баха). Второй жертвой была семья, которую он взял с собой к проклятым не решался. Хотя он и ехал туда с гипотезой, что проказа не так заразительна, как об этом веками думали, но полной уверенности в этом не было. Поэтому он не мог рисковать жизнью своих домашних.

Фото с сайта <http://rozamira.org/>

Продолжение на с. 2

